

В.Г. Короленко

**История моего
современника**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
История моего современника: Том 4 / В.Г. Короленко – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 274 с.

ISBN 978-5-517-99255-0

ISBN 978-5-517-99255-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

глухихъ углахъ. Поэтому, если и были теперь новыя ожиданія со стороны общества и прессы, то намъ они казались обычными россійскими упованіями, въ родѣ тѣхъ, какія тогда высказалъ въ своей газетѣ покойный Гирсъ по поводу назначенія шефомъ жандармовъ боевого генерала Дрентельна... Газета получила предостереженіе, и все осталось по старому.

Общество, которое я засталъ въ В. П. Т., было довольно разнообразно. Самымъ старшимъ и самымъ солиднымъ изъ насъ былъ Алексѣй Александровичъ Андриевскій, педагогъ, преподаватель русской словесности въ одной изъ одесскихъ гимназій. Онъ былъ родной братъ моего ровенскаго учителя словесности Митрофана Александровича, о которомъ я говорилъ въ первомъ томѣ. Это былъ настоящій педагогъ, очень серьезно относившійся и къ своему учительству, и къ своей карьерѣ. Онъ былъ друженъ съ Драгомановымъ и очевидно попалъ въ В. П. Т. именно за эту дружбу. По убѣжденіямъ онъ былъ ярый украинецъ, — какъ тогда называли, — украинофилъ. Заключение онъ переносилъ тяжело и пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, чтобы избавиться отъ ссылки, что въ концѣ концовъ ему и удалось. У него была замѣтная складка украинскаго юмора, и порой онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи писать по тому или другому поводу довольно язвительные отзывы... Смотритель Лаптевъ относился къ нему съ почтеніемъ и гордился, что подъ его начальствомъ состоитъ коллежскій совѣтникъ.

Черезъ нѣсколько дней въ нашу камеру, подъ

внимательнымъ руководствомъ самого Лаптева, внесли еще одну кровать. — Кого это Богъ намъ дастъ, Ипполитъ Павловичъ? — спросили мы у зрителя.

— Привезуть съ поѣздомъ... надворнаго совѣтника...

Этотъ надворный совѣтникъ оказался Николаемъ Федоровичемъ Анненскимъ. Я уже видѣлъ его разъ, попавъ на собраніе «трезвыхъ философовъ», — незаконнаго кружка, группировавшагося около «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ кидался въ глаза человѣкъ лѣтъ уже за тридцать, полный, необыкновенно жизнерадостный и веселый. Во время перерывовъ за нимъ постоянно слѣдовалъ хвостъ молодежи, прислушиваясь къ его мѣткимъ замѣчаніямъ, одобреннымъ постоянными шутками, каламбурами, остротами... Въ то время онъ уже приобрѣлъ извѣстность своими экономическими статьями. Онъ все готовился къ кафедрѣ, но разныя обстоятельства мѣшали его ученой карьерѣ; пока онъ занимался литературой и служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, куда министръ (кажется Посъеть) охотно принималъ лицъ свободнаго образа мыслей.

— «Вы, конечно, конституціоналистъ, — говорилъ онъ одному изъ кандидатовъ, — это вашей службѣ помѣшать не можетъ. Всѣ просвѣщенные люди теперь конституціоналистъ». Жандармы, конечно, думали иначе и послѣ приказа «не стѣсняться ни званіемъ, ни состояніемъ», — произвели атаку на либеральное вѣ-

домство. Одной изъ жертвъ этой атаки и сталь Н. Ф. Анненскій.

Въ нашу камеру онъ вошелъ съ улыбкой и шуткой на устахъ и сразу сталь всѣмъ близкимъ. Какая-то особая привлекательная беззаботность вѣяла отъ этого замѣчательнаго челоуѣка, окружая его какъ бы свѣтящейся и освѣщающей атмосферой. Къ своей служебной карьерѣ онъ относился насмѣшливо, какъ къ временному этапу. У него была та бодрая увѣренность въ собственныхъ силахъ, которую придають солидныя знанія и способность къ работѣ. Въ ссылкѣ онъ принялся сначала за литературу, а затѣмъ сталь однимъ изъ самыхъ выдающихся организаторовъ земской статистики въ Казани, а потомъ въ Нижнемъ, пока не переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ принялъ живѣйшее участіе въ «Русскомъ Богатствѣ».

Вскорѣ послѣ его водворенія къ намъ внесли еще одну кровать, уже седьмую, и Ипполитъ Павловичъ заявилъ, что на этотъ разъ прибылъ «маіоръ» Павленковъ. Видъ у Лаптева былъ особенно торжественный.

Въ тотъ же день, послѣ вечерней повѣрки, дверь нашей камеры открылась, и въ нее вошелъ Ипполитъ Павловичъ. Онъ пришелъ познакомиться съ маіоромъ. Войдя, онъ прямо подошелъ къ его койкѣ и, попросивъ позволенія, присѣлъ на ближайшую кровать.

Я очень жалѣю, что не могу воспроизвести эту картину. Другъ противъ друга сидѣли два челоуѣка, представлявшіе прямую противоположность. Лаптевъ, огромный, неуклюжій, съ топорнымъ лицомъ простодушнаго гиганта, въ

мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, какъ будто онъ явился къ начальству. И противъ него — маленькій человѣкъ въ арестантскомъ халатѣ, съ мелкими чертами лица и вздернутымъ носикомъ. Его живые темные глаза сверкали лукавой усмѣшкой...

Нѣкоторое время оба молчали и глядѣли другъ на друга. Лаптевъ началъ первый.

— Какъ же это, господинъ маіоръ?..

— То-есть?

— То-есть... За что же?

Павленковъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Не знаю, — сказалъ онъ кратко.

— Ну можетъ быть все таки... хоть догадываетесь...

— И не догадываюсь, — рѣшительно сказалъ Павленковъ и тотчасъ же, кинувъ исподлобья взглядъ своихъ быстрыхъ глазъ на смущенное лицо Лаптева, прибавилъ:

— А вѣдь я знаю, что вы сейчасъ подумали, г. смотритель.

— Это не можетъ быть, — сказалъ Лаптевъ съ сомнѣніемъ...

— Вы сейчасъ подумали: вотъ бывший офицеръ, отставной маіоръ... А какъ вретъ...

Съ Лаптевымъ случилось что-то необычайное. Его большіе глаза остолбенѣли, онъ невольно поднялся съ своего сидѣнія и растерянно оглянулся на насъ всѣхъ.

— Правда, — сказалъ онъ съ изумленіемъ. — Ей-Богу, правда... Извините меня, господинъ маіоръ, но ей-Богу — подумаль... И какъ вы могли угадать...

Впослѣдствіи, когда мы всѣ, свидѣтели этой

сцены, давно оставили В. П. Т. и наши мѣста заняли другіе временные жильцы, — Лаптевъ любилъ показывать мѣста, гдѣ у него жилъ надворный совѣтникъ и писатель Анненскій, другой писатель — Волоховъ и наконецъ — издатель многихъ книгъ, маіоръ Павленковъ.

— Пг'оницательный человѣкъ, — прибавлялъ онъ каждый разъ, — мысли въ душѣ человека читаетъ, какъ въ открытой книгѣ...

За что, въ самомъ дѣлѣ, былъ высланъ Павленковъ? Въ точности я не знаю, какіе доносы поступили на него отъ филеровъ и сыщиковъ, но основную почву составляло конечно то, что онъ былъ одинъ изъ неблагонадежнѣйшихъ издателей. Молодой офицеръ во времена Добролюбова и Писарева бросаетъ военную службу и приступаетъ къ изданію книгъ. Для него это былъ, несомнѣнно, не способъ заработка (хотя и въ этомъ отношеніи онъ вѣлъ свои дѣла очень практично), но также и «дѣло идей». Я помню одну лекцію въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, гдѣ лекторъ, излагая ученіе извѣстнаго астрофизика аббата Секки — привелъ параллельно мѣста изъ его книги «Единство физическихъ силъ» и русскаго перевода этой книги, изданнаго Павленковымъ. Въ переводѣ оказались исключенными всѣ мѣста, гдѣ авторъ, замѣчательный ученый, но вмѣстѣ іезуитскій аббатъ, — допускалъ непосредственное вліяніе божества на основныя свойства матеріи, какъ тяготѣніе. Когда я передалъ объ этой лекціи Павленкову, онъ усмѣхнулся и сказалъ: — «Еще бы! Стану я распространять іезуитскую софистику».

Съ энергіей, съ настойчивостью, съ присущимъ ему необыкновеннымъ лукавствомъ, въ цѣломъ рядѣ изданій онъ старался провести извѣстное міровоззрѣніе, такъ какъ изданная имъ бібліотека представляла въ этомъ отношеніи извѣстную цѣльность. Цензура не могла справиться съ этимъ: онъ умѣлъ ее обойти, — гдѣ взяткой, гдѣ просто лукавствомъ. При изданіи сочиненій Писарева, цензура уничтожила одну статью, а издателя постановила привлечь къ суду. Въ промежуткѣ между конфискаціей книги и судомъ Павленковъ успѣлъ съѣздить въ Москву, представилъ въ московскую цензуру запрещенную статью Писарева и получилъ разрѣшеніе. На судѣ цензурное вѣдомство оказалось въ глупѣйшемъ положеніи: въ Петербургѣ судятъ за то, что въ Москвѣ одобряетъ цензура. Судъ оправдалъ Павленкова, но постановилъ уничтожить самую статью. Павленковъ привелъ на гласный судъ стенографа, который записалъ пренія. Прокуроръ цитировалъ ту часть статьи, которая подавала поводъ къ обвиненію. Защитникъ привелъ обширныя цитаты изъ другихъ ея частей. Такимъ образомъ, почти вся статья цитировалась въ преніяхъ, а такъ какъ процессы гласнаго суда тогда печатались, то Павленковъ ввелъ стенографическій отчетъ въ послѣдній томъ изданія. Судебное преслѣдованіе не помѣшало появленію статьи, а только содѣйствовало ея огласкѣ.

Помню еще такой случай: Павленковъ издалъ какую-то азбуку съ книжкой для начальнаго чтенія, которую цензура тотчасъ же конфисковала. Извѣстіе о «неблагонадежной аз-

букъ» тотчасъ же распространилось среди молодежи, и книжечка стала ходить по рукамъ нелегальнымъ образомъ. Затѣмъ Павленковъ заказалъ предисловіе, авторъ котораго жестоко разносилъ изданную имъ азбуку и предлагалъ вмѣсто критикуемой книжки для первоначальнаго обученія свою. Цензура пропустила книжку, не замѣтивъ, что къ этому предисловію былъ приложенъ... тотъ же запрещенный ею текстъ... Павленкову оставалось только устранить предисловіе, на что онъ имѣлъ законное право, а книжку пустить въ продажу съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ его продѣлка стала опять широко извѣстна. На этотъ разъ цензура не рискнула вторичнымъ процессомъ.

Вся его издательская дѣятельность прошла въ такой борьбѣ съ цензурой. Конечно, все это было неуловимо для точной законной квалификаціи. Нельзя же было карать человѣка по закону за то, что цензора глупы или продажны. Но административный порядокъ съ его «неблагонадежностью», — дѣло другое. Павленковъ сначала былъ высланъ въ Вятку.

Здѣсь онъ опять ухитрился издать сборникъ подъ названіемъ «Вятская Незабудка», для котораго соединилъ литературныя силы ссыльныхъ. Сборникъ былъ ярко обличительный, имѣлъ громадный успѣхъ не только на мѣстѣ, но и на общемъ книжномъ рынкѣ и опять причинилъ много хлопотъ цензурѣ.

Здѣсь же съ Павленковымъ случился очень характерный для него эпизодъ. Онъ получилъ изъ столицы извѣстіе, которое призывало его въ Петербургъ недѣли на двѣ. Добиться отпу-

ска изъ ссылки не было никакой надежды. Приходилось опять пуститься на хитрость.

Въ то время въ Вяткѣ существовалъ уже особый порядокъ надзора: ссыльные обязаны были являться ежедневно и росписываться въ полицейскомъ управленіи. Съ Павленковымъ все таки поцеремонились: онъ сказался больнымъ, и къ нему посылали полицейскаго на квартиру. Павленковъ сумѣлъ добиться и еще одной уступки: полицейскій не являлся къ нему лично, а справлялся у хозяйки. Павленковъ облегчилъ ему этотъ надзоръ: его квартира была во 2-мъ этажѣ, и окна ея выходили на улицу. Каждый вечеръ въ опредѣленные часы Павленковъ прогуливался по своей комнатѣ, и его тѣнь размѣренно мелькала на освѣщенныхъ лампою шторахъ. Съ нѣкоторыхъ поръ хозяйка, — кстати сказать, очень преданная своему неблагонадежному жильцу, — сообщила полицейскому, что Павленковъ нездоровъ, очень раздражителенъ и даже ей не позволяетъ безъ крайней надобности входить въ его комнаты. Но все таки въ опредѣленные часы силуэтъ поднадзорнаго появлялся на освѣщенныхъ шторахъ къ полному удовлетворенію полицейскаго.

Такъ прошла недѣля. Павленковъ былъ въ Петербургѣ, а на шторахъ появлялся силуэтъ хозяйкина сына, обвѣзаннаго, въ «виду болѣзни» шарфами. У полицейскаго явились все таки подозрѣнія. Онъ сталъ безпокойно приставать къ хозяйкѣ и наконецъ потребовалъ, чтобы она допустила его къ жильцу. Та отговаривалась подъ разными предлогами, а сама въ это

время послала въ Петербургъ условную телеграмму. Полицейскій еще дня три довольствовался созерцаніемъ силуэта на окнѣ, но его подозрѣнія и безпокойство росли и принимали все болѣе осязательныя формы. Онъ сталъ настоятельно требовать свиданія. Положеніе обострялось. Наконецъ, полицейскій потерялъ терпѣніе и, устранивъ, послѣ нѣкотораго шума, хозяйку, бросился наверхъ по лѣстницѣ, громко требуя, чтобы Павленковъ ему показался. Онъ былъ уже на верхнихъ ступенькахъ, когда дверь вдругъ открылась, и на порогѣ показался... Павленковъ.

— Что вы тутъ дебоширите!.. Вонъ. Я пожалуюсь губернатору.

Ошеломленный полицейскій чуть не кубаремъ скатился съ лѣстницы. Только за полчаса передъ тѣмъ въ сумерки Павленковъ вернулся и незамѣтно пробрался въ квартиру. Этотъ эпизодъ Павленковъ охотно рассказывалъ, и при этомъ воспоминаніи его живые глазки сверкали удовольствіемъ.

Благодаря разностороннимъ связямъ и настойчивости, ему удалось освободиться изъ подъ надзора и вернуться въ Петербургъ. Жандармы имѣли удовольствіе увидѣть его опять съ тѣми же мефистофельскими приемами относительно цензуры и... съ «Вятской Незабудкой», на которую изъ Вятки летѣли жалобы: неблагонадежныя ссыльные жестоко высмѣивали въ сборникѣ благонамѣренную вятскую администрацію. Это, наконецъ, надоѣло, и Павленковъ очутился въ В. П. Т. Могъ ли

онъ точно отвѣтитъ на вопросъ Ипполита Павловича Лаптева, за что его высылаютъ?

Онъ былъ «сочувствующій», — это несомнѣнно. Однажды въ нашей камерѣ затѣялся разговоръ о томъ, что можно дѣлать для политическаго развитія Россіи, кромѣ террора. Я продолжалъ доказывать, что необходимо поднять уровень сознанія въ народѣ, что для этого необходимо идти съ широкой проповѣдью культуры со стороны мирной интеллигенціи и нелегально проводить только политическіе взгляды о необходимости измѣненія строя. Павленковъ рѣзко возразилъ: просвѣщеніе подавляется, учитель превращенъ въ казенную машину для обученія азбукѣ, а нелегальная идейная работа требуетъ совершенно «сверхсмѣтныхъ» качествъ со стороны пропагандистовъ. Остается только одинъ путь. Это — терроръ.

Меня поразилъ тогда рѣшительный тонъ, прозвучавшій въ этомъ возраженіи. Вообще мягкій и слабый голосъ Павленкова звучалъ какими-то гнѣвными нотами. Большинство собесѣдниковъ съ нимъ соглашалось. Это носилось въ воздухѣ... Это была сила вещей.

СVII

ИСТОРИЯ ПЕТИ ПОПОВА

Одной изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ среди интеллигентной молодежи, наполнявшей тогда камеры В. П. Т., представляется мнѣ Петръ Зосимовичъ Поповъ, котораго всѣ мы